

Б. Н. Чичерин

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 1
ББК 87.2
Ч-72

Автор:

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) — выдающийся русский правовед, публицист и общественный деятель, почетный член Петербургской Академии наук. В 1861–1867 годах — экстраординарный профессор кафедры государственного права Московского университета. Почетный гражданин Москвы.

Чичерин, Б. Н.

Ч-72 Наука и религия / Б. Н. Чичерин. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 465 с. — Серия : Антология мысли.

ISBN 978-5-534-01487-7

В самом значительном философском произведении Б. Н. Чичерина наиболее полно представлены все аспекты его системы объективного идеализма: теория познания, онтология, антропология, философия права, этика и эстетика. Опыт и его границы, логика и диалектика, познание абсолютного, бессмертие души, религия и философия, религия и искусство, религия и нравственность, законы развития человечества — таковы основные вопросы, которые Чичерин рассматривает в своей книге.

Издание адресовано всем интересующимся проблемами философии, религии и истории науки.

УДК 1
ББК 87.2

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-01487-7

© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Оглавление

Предисловие	5
Предисловие ко второму изданию	12
Книга первая. Наука.....	13
Глава I. Опыт и его границы.....	13
Глава II. Внешний и внутренний опыт.....	20
Глава III. Логика.....	25
Глава IV. Математика.....	44
Глава V. Диалектика	58
Глава VI. Познание вещей.....	74
Глава VII. Познание абсолютного.....	83
Глава VIII. Идея Бога	90
Глава IX. Нравственный мир	109
Глава X. Бессмертие души	139
Книга вторая. Религия	177
Глава I. Религия как общий элемент человеческого духа.....	177
Глава II. Религия и философия.....	188
Глава III. Религия и искусство.....	195
Глава IV. Религия и нравственность	201
Глава V. Церковь	216
Глава VI. Положительные религии	231
Книга третья. История человечества.....	243
Глава I. Развитие натуралистических религий.....	243
Глава II. Древняя философия и христианство	333
Глава III. Философия нового времени	364
Глава IV. Законы развития человечества	435
Приложение.....	443

*Посвящается
Александру Владимировичу Станкевичу
в знак многолетней, сердечной дружбы
и во имя дорогих нам воспоминаний.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что такое наука? Что такое религия? Каково их взаимное отношение? Таков один из важнейших вопросов, которые могут занимать человеческий ум. Точно ли религия принадлежит прошедшему, временам младенчества человеческого рода, а наука будущему, эпохе зрелости, и первая должна постепенно заменяться последнею, как уверяют некоторые? Или же, наоборот, религия составляет краеугольный камень всякой истины для человека, и наука только в ней может найти разрешение всех своих противоречий, как утверждают другие? Наконец, существует и третье, среднее мнение, которое, признавая самостоятельность обоих начал, ищет их соглашения. Но как достигнуть этого соглашения? Где для него данные? В настоящее время, по-видимому, эти две области разошлись далее, нежели когда-либо, и борьба кипит, может быть, с еще большим ожесточением, нежели прежде.

Нет сомнения, что многим самое поставление этих вопросов покажется признаком устарелых убеждений. Чем скуднее у нас образование, чем более перепутываются понятия в умах, тем более все вопросы считаются порешенными. Всякий, кто хочет прослыть передовым человеком, считает себя обязанным враждебно или даже презрительно относиться к религии. В ней, равно как и в философии, видят явление, отжившее свой век, остаток младенческих предрассудков. Но если что может служить признаком устарелых понятий, так это — чисто отрицательное отношение к религии. Подобными воззрениями можно было довольствоваться в XVIII столетии. В наше время требуется иное: XIX век понял религию как один из существенных элементов человеческого духа. Это признают все мыслители со сколько-нибудь широким взглядом. Те же, которые не хотят знать ничего, кроме положительной науки, в ней самой могут найти подтверждение нашей мысли. Положительная наука отправляется от явлений, а к числу важнейших явлений человеческой жизни несомненно принадлежит религия. С первых времен человечества и до наших дней она составляла духовную пищу

миллионов и миллионов людей. Она искони отвечала самым глубоким потребностям человеческой души. Без нее никогда не обходилось ни одно общество. Наконец, в истории она играла такую руководящую роль, с которой может сравниться разве только философия. Очевидно, мы имеем тут явление, которое нельзя легкомысленно отвергать: его надобно изучить и понять. В наше время невозможно уже пробавляться ссылкой на заблуждение, на обман, на невежество: эти общие фразы, которыми некогда можно было действовать на неопытные умы, утратили свою обаятельную силу. Наука XIX века видит в истории развитие духа по внутренним его законам. Чтобы раскрыть эти законы, необходимо определить положительное значение каждого из элементов духовной природы человека, а тут, на первом плане, нам представляется религия. Не понявши ее, мы не поймем и истории, следовательно, не поймем и явлений, вытекающих из исторического развития народов.

Но не только в прошедшем, а равно и в настоящем и в будущем религия должна сохранить свое высокое место в жизни людей. Одно положительное знание не в состоянии удовлетворить человека. Оно идет не далее известной, ограниченной области явлений. За этими пределами открывается бесконечный мир мыслей, стремлений и чувств, которые остаются неудовлетворенными. Сколько ни отворачивайся от известных вопросов, они через это не исчезают, а тем настойчивее напрашиваются на ум, чем выше их значение для человека, ибо они касаются собственной его судьбы, его отношения к источнику всякой жизни, наконец, тех правил, которым он обязан следовать в своей деятельности. Подрывая доверие в философии, положительная наука тем самым заставляет людей с еще большими ожиданиями обращаться к религии, ибо отказаться от решения этих вопросов мы не можем иначе как отказавшись от всей высшей стороны своей природы, от самых глубоких своих стремлений, от неискоренимых потребностей мысли, от благороднейших порывов своего сердца. Человек, который хочет ограничиться познанием того, что доступно внешним чувствам, должен заглушить в себе голос разума и совести; он должен обречь себя на неутомимую работу, не имея даже надежды, что она когда-либо приведет его к желанной цели, так как он заранее знает, что вся высшая область идей, которая одна говорит его уму и сердцу, для него навеки закрыта. Есть ли возможность заманить мыслящее существо такого рода перспективою? И как может подобная наука надеяться победить религию, которая обращается именно к высшим и лучшим сторонам человеческого естества?

Эти соображения получают еще более веса, если мы взглянем на современное состояние так называемого положительного знания. В области естествоведения все ограничивается объяснением чисто механических отношений. Как скоро явление выходит из этих пределов, естествоиспытатели говорят: "Этого мы объяснить не можем; мы не знаем, а чего мы не знаем, того мы не объясняем". Относительно же познания человека можно сказать, что не сделано еще ровно ничего. Положительная наука стоит пока на пороге, пытаясь отворить замкнутую для нее дверь. Объяснение, по теории, должно идти снизу, начиная с физических явлений; но исследование этой стороны человеческой души едва начинается. Нет ни одного твердого положения, ни одного бесспорного вывода. Исследователи не согласились даже относительно способа изучения душевных явлений, колеблясь между внешним опытом и внутренним и не зная, где найти точку опоры. По выражению одного из значительнейших писателей этого направления, оно представляет настоящее вавилонское столпотворение. Когда же, не отомкнувши двери, приверженцы чистого реализма начинают говорить о том, что происходит в доме, мы, к удивлению, встречаем только жалкие обрывки давно известных и давно опровергнутых философских теорий, или же воздвигаются такие фантастические здания, которые никак уже не могут иметь притязания на имя точной науки. Чем же может заменить реализм отвергаемые им религию и философию? Ничем. Он взывает только к человеку: откажись от того, что тебе всего дороже, от самых заветных своих убеждений, и верь положительной науке, которая оставляет тебя в полном неведении относительно именно того, что тебе всего более желательно знать. Какое понятие о человеке должны иметь те, которые проповедуют подобное учение, и каковы должны быть те, которые им довольствуются?

Эта самоуверенность ограниченной точки зрения, это отрицание высших явлений духа во имя теории, имеющей претензию опираться на явления, доказывают, что современная наука не успела еще утвердиться на прочных основаниях. Разочаровавшись в философских системах, которые смелым полетом мысли хотели обнять всю вселенную, человеческий ум кинулся в противоположную крайность. Он в опыте стал искать для себя твердой точки опоры. Но здесь его должно постигнуть еще большее разочарование. Там, где он думал найти свет, он обретает только мрак. Опыт настолько способен дать нам познание вещей, насколько он озаряется направляющим его разумом; следовательно, чем менее разум доверяет самому себе, тем меньшие плоды он в состоянии извлечь из опыта. Последний дает нам только разнообразные явления и чисто

внешний их порядок в пространстве и времени. Ни смысла, ни связи явлений опыт нам не раскрывает: связующее начало, не подлежащее внешним чувствам, постигается только разумом. Поэтому как скоро мы отвергаем разум как самостоятельный источник познания, так остается одно лишь совершенно непонятное для нас внешнее сопоставление явлений, или же, если мы хотим что-либо объяснить, мы принуждены внутреннюю связь сводить на внешнюю, то есть везде видеть один механизм, который, однако, в свою очередь, остается для нас необъяснимым. Это и делают реалисты. Но механическое воззрение, приложимое к известной области явлений, оказывается совершенно недостаточным там, где мы имеем дело не с внешнею, а с внутреннею связью вещей. Стремление все сводить к механическим отношениям ведет не только к непониманию, но и к искажению всех высших явлений природы и духа, которые насильственно подводятся под неприменимые к ним законы и в которых намеренно отрицаются самые существенные их черты. Всего более это обнаруживается в той области, где разум сам является деятелем. Отрицая значение его как самобытной силы, составляющей источник самостоятельных определений, мы, очевидно, ничего не поймем в явлениях человеческой жизни. Мы будем стараться объяснить частными и внешними отношениями то, что составляет явление высшего, идеального начала. Отсюда та масса уродливых произведений, которыми под именем положительной науки наводняются все отрасли знания, касающиеся человека, начиная от психологии и кончая социологией и историей. Такое направление прямо ведет к отрицанию всей высшей стороны человеческой природы, того, что связывает нас с бесконечным. Человек приравнивается к животным, низводится на степень простого физического существа, которого жизнь и деятельность определяются механическими отношениями соединяющихся в нем материальных элементов и окружающих его естественных сил.

Понятно, какие печальные жизненные плоды должно было принести такое настроение умов. Душа человека возвышается, когда он устремляет свои взоры на общее, всеобъемлющее, вечное; напротив, кругозор его суживается и душевные силы слабеют, когда он вращается исключительно в области частных. Низводя его с неба на землю, реализм неизбежно должен был повести к понижению умственного и нравственного уровня человеческих обществ. Это мы и видим в настоящее время. Результатом положительного знания, дающего лишь частные решения по частным вопросам, является отсутствие всяких общих идей, а вследствие того — хаотическое состояние умов. Современный образованный человек потерял свое равновесие;

нигде он не находит твердой точки опоры. Среди бесконечного множества частных у него исчез всякий общий взгляд. Никогда еще не было такого всеобщего шатания, такого умственного мрака, как именно теперь. Сильная мысль, крепкие убеждения, высокие характеры становятся редкостью. Практические вопросы еще способны приковывать к себе людей; теоретические интересы отошли на задний план и возбуждают умы лишь настолько, насколько в них выражается та или другая практическая тенденция. Явным признаком этого низкого умственного состояния служит всеобщий упадок изящной литературы. В этом нельзя видеть случайно только явление; положительное знание всего менее допускает такого рода всеобщие случайности. Это — знак времени. В поэзии выражаются идеальные стремления человечества. Там, где иссяк ее источник, можно наверное сказать, что оскудела идеальная жизнь общества. Человек, вследствие господства реализма, превращается в исключительно вниз смотрящее существо. Откуда же взяться поэтическому вдохновению?

В России это понижение общего уровня должно было отразиться в еще более печальных явлениях, нежели где-либо. Современное русское общество превратилось в умственную пустыню. Серьезное отношение к мысли, искреннее уважение к науке почти исчезли; всякий живой источник вдохновения иссяк. С падением философии логика сделалась излишним бременем; умение связывать свои понятия отошло к области предрассудков. Никогда еще русская литература не стояла так низко; никогда легкомыслие и невежество так беззастенчиво не выставлялись напоказ. Самые крайние выводы самых односторонних западных мыслителей, обыкновенно даже непонятые и не переваренные, смело выдаются за последнее слово европейского просвещения. Либерализм и социализм, реализм и утопия, самые противоположные и исключаящие друг друга направления, сливаются в невообразимый хаос, в котором можно найти все, кроме знания и мысли. Таково наше положение. Когда читаешь или вспоминаешь о прежних людях, с их широким образованием, с их возвышенными интересами, при гораздо меньшей возможности действовать, больно и обидно становится за настоящее. Западноевропейские общества, погрузившись в исключительное изучение частных, сохранили по крайней мере одну облагораживающую черту: упадок мысли искупается до некоторой степени значительностью умственного труда, обращенного на исследование фактического материала. У нас, к сожалению, и этого нет. Если западного европейца можно сравнить с рудокопом, который неутомимо работает в рудниках, приготавливая себе богатства для будущего, то мы, при

скудости нашего образования, довольствуемся ожиданием чужих благ, а пока питаемся кое-где подобранными крохами, которые доставляют посредники, слишком часто рассчитывающие на неразборчивость публики. Отсюда внутренний разлад и дикие фантазии, рождающиеся во мраке. Сколько среди нас людей, которые забыли даже, что существует свет Божий, и готовы закидать камнями того, кто дерзает о нем помянуть!

Выйти из этой удушливой атмосферы составляет насущную потребность всякого, в ком живы еще интересы мысли, кто не довольствуется житейскою пошлостью или на веру принятым направлением. А выйти из нее можно только одним способом: поднявши глаза вверх, вместо того чтобы упорно держать их прикованными книзу. Поднять их нужно не с тем, чтобы отлететь от земли и унесться в неведомую область, а с тем, чтобы, оставаясь на земле и пользуясь ее богатствами, окинуть взором все необъятное пространство неба и уразуметь великую связь, соединяющую высшее с низшим, небесное и земное. Возможно ли исполнение подобной задачи? Думаю, что наука собрала для этого достаточно данных, если только мы не ограничимся мимолетными произведениями вчерашнего дня, а усвоим себе все то, что человечество выработало на своем многовековом и многотрудном пути. Во всяком случае, кому удалось доработаться до самостоятельного взгляда на эти предметы и озарить светом хотя малейшую частичку бесконечного мира мысли и чувства, тот обязан представить результаты своего труда на суждение современников, ибо этим только подвигаются вперед и наука и жизнь.

Приступая к обсуждению поставленных мною вопросов, должен сказать, что я становлюсь чисто на точку зрения науки. Богословские исследования и размышления могут удовлетворять убежденных уже в истине известной религии, но не в состоянии убедить тех, которые покинули религиозную почву. Как скоро возбужден испытующий разум, так ему одному принадлежит верховное решение занимающих его задач. Если он подчиняется высшему авторитету, то он делает это не иначе как на основании собственного убеждения, точно проверив все свои пути. Вера для разума составляет не точку исхода, которая принимается слепо, а объективное начало, которое исследуется в своем существе и в своих проявлениях. Только этим путем можно сделать научный вывод. Но это исследование должно быть ведено без всякого пристрастия и предубеждения. Всего менее может быть здесь допущено отрицательное отношение к предмету, которое обыкновенно служит только признаком незнания или непонимания предмета. Истинная наука во всяком общем явлении видит положительное выражение законов при-

роды и духа, и чем глубже она его изучает, чем более выясняется перед нею его смысл, тем более исчезает расстояние между познающим и познаваемым. Разрыв между наукою и религией составляет принадлежность известных ступеней развития; он происходит иногда от недостаточности науки, иногда от несовершенства религии. Но окончательною целью развития представляется высшее объединение обеих областей, конечный синтез всего духовного мира. Таково глубокое убеждение, которое я вынес из своих научных изысканий и которое одно дает мне смелость взяться за перо. Постараюсь передать его тем, кого искренно занимают эти вопросы.

Прошу только благосклонного читателя не посетовать, если в этом исследовании я должен буду на первых порах вести его через то, что может показаться пустыми метафизическими тонкостями или сухою схоластикою. Кому известна связь всех частей науки между собою, тот знает, что эти метафизические тонкости оказываются впоследствии исполненными жизненного значения. Они составляют необходимое условие всякого понимания. Это — тот мерцающий светоч, который непривычному глазу кажется неспособным рассеять окружающий нас мрак, но который в действительности один может вывести человека в высшую область всеозаряющей истины. Горе служителю науки, который погасил в себе этот светильник! Он осужден вечно пресмыкаться в низменностях реализма, потерявши даже память о том, что он рожден для иного знания и для иной жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Более двадцати лет прошло со времени первого издания этой книги. С тех пор мне пришлось заняться такими областями науки, которые дотоле оставались мне более или менее чужды, а именно высшею математикой и различными отраслями естествознания. Но результаты этого изучения не только не поколебали моих взглядов, а, напротив, дали им еще большее подтверждение. Великое значение опыта проявляется главным образом в естествознании, но именно здесь обнаруживаются и его границы. Понимания вещей он не дает. "Ignoramus et semper ignorabimus"* — таков девиз естествоиспытателя.

Со своей стороны, математика яснее дня доказывает всю силу умозрения. Все, что есть рационального в естественных науках, происходит отсюда. Сочетание обоих путей, которое я считаю высшею задачею науки, находит здесь полное оправдание. В этом отношении исправлять пришлось весьма немного. Значительной переработке подверглась лишь глава о развитии языческих религий. Со времени первого издания этой книги вышло много новых материалов и исследований, которые надобно было принять во внимание. Однако и тут изменения и дополнения коснулись только частных. Основные определения и весь ход мысли остались нетронутыми. И тут новейшие изыскания дали новое подтверждение моим выводам. Об этом пусть судит беспристрастный читатель.

* Не знаем и никогда не узнаем (*лат.*). — *Ред.*

НАУКА

Глава I. Опыт и его границы

Если опыт, как утверждают многие, составляет единственный источник человеческого знания, то судьба человека представляет неразрешимое противоречие.

В самом деле, можно идти от наблюдения к наблюдению, делать открытие за открытием, исследовать состав солнца и даже неподвижных звезд, передавать свои мысли с быстротою молнии с одного конца земного шара на другой, мы все-таки прибавляем только частное к частному, никогда не достигая такого общего начала, которое бы удовлетворяло нашему разуму, раскрывая нам внутреннюю сущность вещей. Мы движемся по бесконечному пути, которого едва ничтожнейшая часть поддается величайшим усилиям человеческого ума, а остальное остается покрыто непроницаемым мраком. Не только ограниченность наших внешних чувств не позволяет нам выходить из тесного круга доступных нам явлений, но самая сложность явлений полагает знанию неодолимый предел. Именно то, что всего к нам ближе и всего для нас важнее, ускользает от наблюдений и не поддается анализу, а потому должно вечно оставаться для нас непонятным. Мало того, даже там, где мы усматриваем постоянную связь явлений, мы знаем только, что эта связь существует, но не знаем почему, и, если нам удастся иногда свести частный закон к более общему, мы, в сущности, ничего не выигрываем от этого обобщения, ибо последний остается для нас столь же непонятным, как и первый. По выражению Милля*, мы идем только от одной тайны к другой. Сколько бы мы ни связывали и ни обобщали, опыт не дает нам ничего, кроме чисто внешнего сходства или сопоставления явлений в пространстве и времени; внутренней связи мы не видим, и смысла явлений мы не постигаем. По признанию всех естествоиспытателей, природа вещей остается для нас вечно скрытою. Начальные и конечные причины устраняются из области

* Logic, I, p. 527 (7-е изд., 1868).

исследования. Мы должны довольствоваться относительным, отказываясь от какого бы то ни было познания абсолютного.

А между тем человеческий разум, следуя неудержимому внутреннему стремлению, требует именно разрешения этих высших вопросов. Как только человек начинает себя сознавать, так он неизбежно ставит себе эти задачи. "Замечательно, — говорит Огюст Конт, — что вопросы, коренным образом недоступные нашим средствам, внутренняя природа существ, начало и конец всех явлений суть именно те, которые наш ум предлагает себе в этом первобытном состоянии, тогда как все разрешимые задачи считаются почти недостойными серьезного размышления"* . Конт объясняет это тем, что неразвитой человек не знает еще своих средств, а потому полагает себе недоступные цели; но причину такого несоответствия между вложенными в человека стремлениями и данными ему орудиями надобно искать гораздо глубже. Если человек, вместо того чтобы останавливать свое внимание на том, что его окружает, кидает взор в бесконечную даль, если, не довольствуясь познанием относительного, он хочет постигнуть абсолютное, то это означает, что разум его создан для познания абсолютного. По внутреннему закону человеческой природы это — первый предмет, который привлекает к себе его внимание. Человек ничего еще не знает, но он прямо обращается к тому, в чем он инстинктивно видит источник всякого познания, что одно может раскрыть ему смысл и всех окружающих его явлений, и его собственной жизни. Если же те высшие вопросы, которые с первых времен его существования неотразимо представляются его уму, должны вечно оставаться неразрешенными, если человек принужден сказать себе, что предмет, которого всеобъемлющее значение притягивает к себе его внутренний взор, недоступен его средствам и что в миллионы миллионов веков он не приблизится к нему ни на шаг, то не есть ли это такое противоречие, какому не найдется примера во всем мироздании? Животные не познают абсолютного, но они не имеют о нем и понятия; они довольствуются тем, что их окружает. Один человек обречен стремиться к непостижимому, представлять себе непознаваемое, постоянно ставить себе вопросы и никогда их не разрешать.

При таких условиях судьба человека остается для него самого непроницаемой тайной. Откуда он исходит? Куда он идет? Какой смысл этого мгновения света, мерцающего между двумя бесконечными пространствами мрака? Животные опять-таки не задают себе этих вопросов; они живут безмятежно одним настоящим. Но человек непременно их себе ставит; от

* Cours de Phil. Posit. I, première leçon, p. 9—10.

них зависит все его воззрение на собственную жизнь, все направление его мыслей и чувств. А между тем он никак не может их разрешить. Причины начальные и конечные от него скрыты, и в этом мгновенном промежутке настоящего, которым он принужден ограничиться, он может не понять (это ему никогда не дано), а усмотреть только частные отношения, возникающие при встрече с окружающими предметами. С точки зрения опытного знания он сам представляется не более как частным явлением среди частных явлений, относительным между относительным. Так же как и все остальное, он подчиняется роковым, но непостижимым для него законам, определяющим взаимные отношения сопоставленных в пространстве и времени вещей. Таким образом, он является игрищем слепых сил, крупинкою, затерянною в бесконечном пространстве, случайным соединением частиц, которые также случайно разъединяются, причем остается совершенно непонятным, зачем этой крупинке дано сознание своего положения, зачем дано ей чувство, идущее за пределы настоящего дня, и мысль, которая неустанно просит света среди окружающего ее мрака.

Человек не может не возмущаться против подобного взгляда. Напрасно говорят ему, что ограничить свое знание тем, что доступно его средствам, составляет признак зрелости ума. Он не может считать признаком зрелости — смотреть исключительно вниз, когда, по законам своей природы, он стремится смотреть вверх, ограничиться изучением частных вещей, когда всякое произносимое им слово есть выражение общего понятия, признать себя неспособным понимать что бы то ни было, когда вложенный в него разум есть, по существу своему, способность понимания, наконец, отказаться от исследования именно тех вопросов, которые составляют самую насущную потребность его ума и которые одни дают смысл всей его жизни. Именем зрелости украшается только самая ограниченная односторонность, самое глубокое противоречие. И когда позитивисты, ссылаясь на непоколебимость опытного знания, утверждают, что оно постепенно должно заменить и философию и религию, мы можем видеть в этих уверениях только забавное притязание. Изучение частички конечного должно заменить стремление к бесконечному! Для простого здравого смысла очевидно, что тут область другая, а потому замена невозможна. Пусть опытное знание вращается в своей ограниченной сфере; за его пределами всегда остается необозримое пространство, от которого человек не может отвращать своего взора, ибо он имеет врожденное и neodолжимое стремление смотреть вдаль. Те вопросы, которые он ставит себе с самого начала, напрашиваются на него и впоследствии, и он не может отказаться от их разреше-

ния, ибо от них зависят все его мирозозерцание и вся его деятельность.

Не более основательны и те приверженцы опыта, которые, как Спенсер, отмежевывают для знания известную ограниченную область, а остальное, под именем непознаваемого, предоставляют вере. Здесь вера, в отличие от знания, принимается только как темное чувство, не руководимое никаким разумным началом. Но там, где нет познаваемого предмета, чувство будет вращаться в пустоте. Ибо есть ли возможность обращаться с верою, надеждою и любовью к чему-то такому, о чем мы не имеем ни малейшего понятия, что, может быть, даже вовсе не существует? Чувство само не создает предмета; оно определяет только отношение лица к данному предмету. Иначе оно само было бы источником познания, то есть известною формою разума. Притом это отношение остается всегда чисто субъективным, ибо чувство разнообразно и непередаваемо: один чувствует так, другой — иначе. Объективного мерилa истины оно в себе не содержит, доказательств оно не может представить никаких. Если в области бесконечного разум бессилен понять что бы то ни было, то мы и другим путем ничего не узнаем. Конечно, мы можем наполнить это темное царство созданиями своего воображения; но признавать эти образы за истину человек может, только пока он не знает, откуда они происходят; как же скоро выяснился их источник, так они теряют всякую цену, и чувство снова обретается в пустоте. Или же приходится прибегнуть к сверхъестественному откровению, что всего менее допускается позитивистами. Но и откровение нуждается в разумной проверке, ибо иначе человек принужден будет слепо верить всему, что выдается ему за явление или предписание Божества, и тогда что станется с самым знанием? Одним словом, куда бы мы ни обратились, мы видим, что разум один способен утвердить в человеке представления, имеющие для него объективное значение, и к ним только чувство может прилепиться всею силой стремления, исходящего из глубочайших потребностей души. Воззрение Спенсера, в сущности, не что иное, как попытка отстоять исключительность опытного знания, предоставить вере невинное удовольствие мечтать, сколько угодно, лишь бы эти мечты не оказывали никакого влияния на остальное.

Итак, чистый опыт ни с какой стороны не может удовлетворить человека. Давая ему частные, фактические сведения, он оставляет его во мраке насчет именно того, что всего более занимает его ум, что составляет высший предмет для его чувства, что имеет важнейшее значение для его жизни, того, наконец, что дает цену самой жизни. Если все человеческое познание

ограничивается опытом, то нет в мире более жалкого существа, нежели человек. Он обречен на безвыходное противоречие между своими стремлениями и своими средствами, между неотразимо осаждающими его задачами и невозможностью их разрешения.

Но точно ли опыт составляет единственный источник человеческого познания?

Если мы взглянем на те основания, на которых строится вся эта теория, то мы будем поражены некоторым изумлением. Когда в конце XVII века Локк хотел утвердить на прочных началах систему опытного знания, он представил подробное исследование познавательной способности человека. Исследование было одностороннее; выводы Локка были опровергнуты критикою Лейбница и Канта. Но все же тут были научные доводы; на Локка можно было ссылаться. Тем же путем шло и дальнейшее развитие этого учения. Кондильяк выработал цельную и последовательную теорию чистого сенсуализма. То же следовало бы сделать и теперь. Новый, глубокий анализ познавательной способности человека тем более необходим, что приверженцам опыта приходится опровергать величайших мыслителей нового времени. Нелегко устранить "Критику чистого разума" Канта. Но современные позитивисты избавляют себя от такого труда. Мы не видим у них ничего похожего на то, что старались дать их предшественники. Где то классическое исследование, на которое они могли бы ссылаться как на авторитет? Где то сочинение, которое могло бы стать наряду не только с "Критикою чистого разума", но даже с Локком или Кондильяком? Зачинатель этого направления, Огюст Конт, излагая свою "Положительную философию", просто относит богословие и метафизику к области прошедшего, признавая опытное знание единственным достойным зрелого возраста человека; но доказательств этому положению он не думал представить: мы должны верить на слово. Отчасти этот пробел хотел восполнить Милль своею "Логикою". Но, исследуя приемы опытной методы, Милль оставил без опровержения воззрения великих немецких философов, которых он знал весьма плохо. Возражения его против умозрения ограничиваются крайне поверхностным отрицанием значения силлогизма. Полного анализа познавательной способности человека он не представил. Собственное его учение всего менее может служить образцом логики. В этом мы убедимся ниже. Наконец, новейшие защитники чистого опыта, думая расширить теорию, ниспровергают ее в самых основаниях. Последователи Дарвина, признавая вместе с другими опыт за единственный источник человеческого познания, допускают, однако, что понятия, так же как наклон-

ности, характер, типические черты, могут передаваться наследственно. Но если так, то в отдельном лице переданные таким образом понятия будут уже не приобретенные, а прирожденные. Если же опыт убеждает нас в существовании прирожденных понятий в отдельных лицах, то на каком основании будем мы отрицать их относительно всего человеческого рода? Опытном мы до этого не дойдем, ибо мы не знаем, каковы были первобытные люди; в настоящее же время все имеют уже приобретенный по наследству запас понятий. Но приверженцы этого воззрения идут еще далее: они даже у первобытных людей признают уже прирожденные понятия, которые, по их мнению, были приобретены опытом их животными прародителями. Здесь уже мы вступаем в область, где властвует чистая фантазия. Чтобы спасти опытную теорию от разрушающих ее фактов, относят приобретение понятий в такую даль, про которую никто ничего не знает и знать не может. И это совершается во имя опыта! Более наглядного противоречия невозможно себе представить.

При таком недостатке теории не поможет и ссылка на опытные науки, преимущественно естественные, которые, держась этого пути, значительно подвинули вперед человеческое знание. Никто не отвергает опытной методы и великих достигнутых ею результатов. Но из этого не следует, что все человеческое знание ограничивается опытом. Чтобы доказать это, надобно не только подвергнуть новому анализу познавательную способность человека, но фактически исследовать все те явления человеческого разума, которые выходят из пределов опыта. Позитивист, который хочет утвердить свое учение на прочных основаниях, должен, со своей точки зрения, написать историю философии и религии, ибо, по правилам самой опытной методы, всякая теория тогда только может иметь притязание на положительное значение в науке, когда она объясняет все явления. Между тем те немногие попытки в этом роде, которые представляет современная литература, могут служить разве только доказательством невозможности написать дельную историю философии и религии с точки зрения чистого опыта. Эти попытки всего более убеждают нас в справедливости сказанного выше, что отрицание явления большей частью есть только незнание или непонимание явления. Позитивизм не произвел ни одного основательного ученого по этой части, и, наоборот, нет ни одного основательного историка философии и религии, который был бы позитивистом. Вследствие этого друзья опытной методы обыкновенно довольствуются тем, что голословно признают опыт единственным источником познания и презрительно относятся к метафизике и к религии, считая их поконченным

делом, но не ведая их содержания и не объясняя ни их развития, ни их высокого значения в истории человечества*.

Итак, вопрос об источниках человеческого познания должен считаться открытым. Постараемся собрать данные для его разрешения.

*К числу печальных произведений позитивизма должна быть отнесена "История философии" Льюиса, в которой даровитый автор, в борьбе с недоступною его точке зрения задачей, на каждом шагу впадает в противоречия и фактические ошибки. Согласно с учением Конта, Льюис утверждает, что философия занимает середину между богословием и опытными науками, вследствие чего вся история философии представляет постепенный переход от богословских начал к опытным. Но с первых же страниц мы узнаем, что первые греческие философы, ионийцы, верховными началами бытия признавали причины чисто физические, как-то: воду и воздух; затем мысль переходит к началам математическим и, наконец, у элеатов — к метафизическим. Следовательно, движение идет от физических начал к метафизическим, а не наоборот. Рядом с этим, однако, продолжает существовать и физическая философия; позднейшие мыслители стараются даже сочетать ее выводы с понятиями метафизиков. Но все эти попытки, по мнению Льюиса лишенные почвы, привели только к скептицизму. Казалось бы, тут должно было зародиться опытное знание, особенно после того, как софисты провозгласили общим началом, что "явление есть истина". Вместо того за скептицизмом следует новый философский период, с еще более отвлеченно метафизическим направлением, нежели прежний. Держась теории прогресса, Льюис считает нужным признать какую-то заслугу за великими мыслителями этого периода; но он сам же называет все их мышления неудачным предприятием. Из принятых им начал прямо следует, что выработанная ими диалектика была в высшей степени вредна, ибо она отвлекала людей от истинного пути и увлекала их в такую область, где ничего знать нельзя. Бенхам был гораздо последовательнее, когда он говорил, что, в то время как другие обращались к опытному знанию, Платон нес чепуху, которой сам не понимал. С точки зрения позитивизма иного суждения нельзя произнести. К чему же, однако, привело это новое метафизическое направление? Послужило ли оно, по крайней мере на этот раз, переходом от богословия к опыту? Ничуть не бывало. Прошедши через метафизику, человеческая мысль снова обращается к богословию. Таким образом, выведенный Контом и усвоенный Льюисом закон оказывается мнимым. А между тем в угоду этому закону факты подвергаются немилосердному искажению. Глубокий идеалист Гераклит превращается в сенсуалиста; чистый материализм Демокрита отождествляется со спиритуализмом Лейбница; Платон представляется скептиком, который не только не выработал никакой системы, но и не останавливался более мгновения на какой бы то ни было теории; Аристотель, наконец, изображается как чистый эмпирик, но такой, который, незаметно для себя самого, с первых же шагов оказывается стоящим на совершенно другой почве. Не говорим уже о мыслителях нового времени, которых учения переданы еще хуже, нежели воззрения древних. В этой "Истории философии" читатель не почерпнет даже самого поверхностного фактического знания философии, не только что понимания смысла систем и законов их развития. Иначе, впрочем, и быть не могло. При отрицательном отношении к предмету даже серьезные умы обречены на бесплодие.

Глава II. Внешний и внутренний опыт

Опыт со времен Локка разделяется на внешний и внутренний. Первый состоит в наблюдении внешних явлений, подлежащих нашим чувствам, второй — в наблюдении внутренних явлений человеческой души.

Внешний опыт есть способ исследования всех естественных наук. Этим путем они достигли блистательных результатов. Каковы бы ни были недостатки этой методы, нет сомнения, что она составляет истинное основание для исследования физических явлений. При всей ограниченности наших внешних чувств они служат нам единственным орудием, посредством которого мы сообщаемся с внешним миром. Для того чтобы знать, что делается кругом нас, мы должны наблюдать, делать опыты, стараться определить постоянную последовательность явлений, их сходство и различия. Только на основании точного исследования фактов мы можем прилагать к явлениям математические исчисления или логические выводы. Главным орудием разума в этом исследовании служит наведение, то есть систематический вывод общих законов из частных явлений. Наведению, или индукции, естественные науки преимущественно обязаны своими успехами в новейшее время. Вывод, или дедукция, служит им только вспомогательным средством.

Вся эта метода, имеющая столь твердые основания и давшая столь великолепные плоды, приложима, однако, единственно к явлениям материального мира, ибо только они подлежат нашим внешним чувствам. Душевные явления невидимы, неосознаемы; они доступны только внутреннему самонаблюдению, а не внешнему опыту. Защитники чистого опыта, которые хотят и на психологию распространить методу естественных наук, поставлены через это в значительное затруднение. Самые последовательные из них прямо отвергают внутренний опыт как неспособный дать точные научные результаты. Они требуют, чтобы психологические исследования, так же как и физические, были основаны исключительно на внешнем опыте. Но что дает нам внешний опыт относительно душевных явлений? Исследователь может наблюдать только телесные движения, проистекающие от внутренних причин; самые же причины, представления, чувства, ускользают от его взора. Этим путем мы можем только снаружи осмотреть здание, но внутрь его проникнуть мы не в состоянии. Вследствие этого защитники методы естественных наук стараются по возможности и внутренние причины свести на внешние. Отправляются от исследования рефлексов или невольных движений; делают опыты над обезглавленными лягушками и затем, на основании этих скудных данных, строят

уже чисто логическим путем все психологическое здание. Однако с первых же шагов это построение встречает камень преткновения. Невольные движения обезглавленной лягушки претерпевают значительные изменения от отсутствия головы. Физиологи утверждают, что мозг служит только регулятором движений; но рядом с этим они принуждены признать, что, проходя через мозг, движения усиливаются или задерживаются. Стало быть, этот орган служит не только регулятором, но и самостоятельным источником силы. Кроме внешней причины есть, следовательно, и внутренняя, а потому нет возможности определить законы явлений, не исследовавши свойств этой последней, исследовать же ее свойства мы можем не иначе как посредством внутреннего опыта. Сколько ни разлагай мозг, мы чувств и представлений в нем не найдем; существование этих внутренних причин наших внешних движений известно нам единственно из внутреннего опыта.

Таким образом, волею или неволею мы принуждены в психологии руководствоваться внутренним опытом. Не только чисто внутренние явления души, но самые физиологические отношения души к внешнему миру не могут быть исследованы иначе как этим путем. Когда физиолог делает наблюдения над свойствами зрения или над законами едва заметных ощущений, он не может руководствоваться ничем другим, кроме внутреннего наблюдения над самим собою, или тем, что другие сообщают ему о своих внутренних наблюдениях. Между тем внутренний опыт имеет совершенно другие свойства, нежели внешний. Мы имеем тут иного рода орудия и материал. Душевное действие нельзя положить в реторту или рассматривать в микроскоп. Способы индуктивного исследования, на которых основана сила естествознания, здесь неприложимы. Достаточно взглянуть на те четыре метода, которые Милль признает основными законами наведения, чтобы убедиться в этом. Следовательно, невозможно говорить и о превращении психологии в естественную науку. Это один из тех ходячих умственных шаблонов, которые прилагаются без разбору, но при ближайшем рассмотрении оказываются лишенными всякого смысла. Естественные науки руководствуются исключительно внешним и никогда внутренним опытом; психология же во всех своих существенных частях может быть построена единственно на внутреннем опыте.

Что же дает нам внутренний опыт и как он действует?

Этот вопрос доселе весьма мало обследован, а между тем он составляет краеугольный камень для опытной психологии. Новейшие психологи много говорят об опыте, но они не потрудились обстоятельно разобрать, что именно они делают и ка-

кими путями они идут. Вследствие этого в их изложении постоянно перемешиваются чисто логические выводы с поверхностными внутренними наблюдениями, из чего проистекает неисцелимая путаница понятий. Мы можем здесь только затронуть этот вопрос.

Душевные явления представляют, по общему признанию, самое сложное, что только есть в мире. В самой душе мы замечаем различные стороны или отправления: чувства, влечения, мысль, волю. Посредством внешних чувств она подвергается разнообразнейшим впечатлениям и вступает во взаимодействие со всеми элементами окружающей ее среды. Причины душевных явлений приходится иногда искать в давно прошедшем времени, причем все посредствующие звенья ускользают от наблюдения. Для того чтобы в этом хаосе открыть какие-нибудь законы, надобно прежде всего различить отдельные элементы. Это делает и внешний опыт относительно предметов своего исследования. Но для внешнего опыта эта логическая операция составляет только точку отправления. Следующий за тем шаг, который служит основанием всей методы и всех дальнейших выводов, состоит в действительном разнятии элементов, которые уже порознь подвергаются наблюдению*. А этого-то именно внутренний опыт не в состоянии сделать. Элементы душевных явлений не могут быть разняты в действительности, ибо они не поддаются внешнему действию. Они могут быть разняты только логически, то есть, для того чтобы исследовать их, мы должны сделать *отвлечение*. Этим полагается уже коренное различие между внешним опытом и внутренним. Первый отправляется от реальной операции, второй — от чисто логической.

В этом умственном анализе душевных явлений представляется нам прежде всего коренное различие между наблюдающим и наблюдаемым. Наблюдающий сам принадлежит к числу душевных явлений, и он же есть деятель и орудие познания. В последнем отношении мы называем его разумом или разумным субъектом. Наблюдаются же частные явления, которые субъект все приписывает себе: я, наблюдающий, чувствую, думаю, желаю, действую.

Однако не все эти явления разум одинаково приписывает себе. Некоторые он непосредственно сознает как свои собственные действия, относительно же других он является страдательным. Чувства, влечения суть отражение в сознании известного состояния или стремления души; но разум не сознает этих состояний, как свои собственные действия. Они возникают в ду-

* Mill: Logic, I, B. III, ch. 7, p. 414—417.

ше помимо сознания и воли, иногда даже наперекор разуму, который хочет, но не может их устранить. Эти явления не проистекают и от внешних предметов, ибо внешнего впечатления может вовсе и не быть или оно так отдалено, что, во всяком случае, оно должно было пройти через известный душевный элемент, прежде нежели проявиться в чувстве или влечении. Даже в возбуждениях, производимых впечатлениями настоящей минуты, к внешней причине всегда присоединяется внутренняя, определяющая восприимчивость субъекта, усиливающая или задерживающая внешнее действие. Эта внутренняя причина укрывается от наблюдающего разума; он не знает, откуда и почему является в душе известное чувство или влечение. Явления отражаются в сознании, но причину их разум исследовать не может, хотя она составляет элемент собственной души наблюдающего, ибо он эти явления признает своими. Таким образом, внутренний опыт приводит нас к различению в душе двоякого элемента, сознательного и бессознательного, между которыми происходит взаимодействие. Оба составляют самостоятельный источник силы, ибо мы видим действие обоих. Но бессознательный элемент сам по себе не подлежит ни внутреннему, ни внешнему опыту: как душевное свойство, он не доступен внешним чувствам, как бессознательное начало, он не может быть предметом внутреннего сознания. Мы можем судить о нем только посредством *умозаключения*, и притом такого умозаключения, которое не основано ни на внутреннем, ни на внешнем опыте, ибо оно относится к предмету, ускользающему от обоих. По доступным нам явлениям мы должны судить о совершенно недоступной нам причине.

Для того чтобы сделать подобное умозаключение, мы должны прежде всего в явлениях сознания разделить то, что происходит от самого разума, и то, что проистекает от бессознательного элемента. Каждая сторона должна быть исследована особо, ибо, только зная законы простейших элементов, мы можем определить законы сложных явлений, проистекающих от их взаимодействия. Но чистое действие бессознательного элемента не подлежит нашему наблюдению. Следовательно, мы должны начать с исследования законов сознательного элемента, разума, и затем уже, определивши, что именно в конкретных явлениях составляет долю разума, мы в состоянии будем судить и о действии бессознательного элемента. Разум, который сам есть наблюдающий, должен вместе с тем сделаться предметом наблюдения. Орудие познания должно прежде всего познать само себя, отделивши в своем познании то, что принадлежит собственно ему, от того, что принадлежит другому.